

Когда Тун Цинхэ проснулся, за пределами лагеря царило спокойствие. Пока он спал, выпал сильный снег, который покрыл весь лагерь. Береговая линия простиралась, уходя в бесконечную белую пелену.

Комната, в которой он находился, имела отличный вид. В заснеженной местности, словно вежи, стояли фигуры часовых. Тун Цинхэ несколько раз обвел взглядом эти «вежи», понимая, что Цзян Шаочжи здесь нет, но не мог не искать, чтобы хоть как-то себя успокоить.

Холодный воздух, попавший в нос, заставил его закашляться. Тун Цинхэ поправил шарф, обмотанный вокруг шеи. Проснувшись, он почувствовал странное ощущение на железе. Посмотрев в зеркало, он обнаружил, что кожа вокруг покраснела. Это было не похоже на аллергию, скорее на следы от поцелуев.

Только Цзян Шаочжи мог так с ним поступить.

Тун Цинхэ скрыл подозрительный румянец на лице, поправил одежду и собрался вернуться в комнату.

Лагерь — это все-таки серьезное место, и он не смел бесцельно бродить. Вскоре кто-то принес ему книги, сказав, что это по приказу Цзян Шаочжи, чтобы он мог скоротать время.

Тун Цинхэ взял книги, полистал их и вдруг вспомнил о своем поспешном отъезде из Федерации. Он не знал, были ли уведомлены его домашние. Он приехал в спешке, у него было всего два выходных дня. Сегодня был первый день, и завтра он должен был вернуться, чтобы заняться накопившейся работой.

Даже встреча со своим Альфой была такой короткой.

— Эй...

Альфа, принесший ему книги, вдруг остановился. Тун Цинхэ был младше их, молод и выглядел ухоженным. Альфа говорил негромко, затаив дыхание:

— Генерал Цзян сказал, что если вы захотите выйти прогуляться, я должен проводить вас.

У Цзян Шаочжи все еще было отношение к Тун Цинхэ как к ребенку. Он беспокоился, что тот заскучает в лагере, и предложил посмотреть окрестности, если не захочет читать.

Гуна — это морская страна. Даже зимой здесь можно увидеть живописные зимние пейзажи. Тун Цинхэ редко путешествовал. К тому же, его характер был мягким, он любил тишину и не любил много двигаться. Он узнавал о мире только из книг и компьютера.

Он впервые отправился в поездку с Цзян Шаочжи, и, конечно, ему было любопытно посмотреть

на внешний мир. Он отложил книги, которые успел полистать. Его походка все еще была немного странной, но в пределах терпимости.

Тун Цинхэ кивнул и сказал Альфе:

— Спасибо, мне не трудно.

Тун Цинхэ пошел гулять по лагерю со своим провожатым. Вокруг было тихо. Тун Цинхэ спросил, как долго они будут заняты, чтобы разрядить неловкое молчание.

Тот очень серьезно рассказал Тун Цинхэ о дальнейших действиях миссии, выбирая простые и понятные слова. Тун Цинхэ понял, что задание Цзян Шаочжи было слишком сложным. Они дошли до медицинского пункта лагеря и наткнулись на вышедшего оттуда Шэнь Цзуна.

Руки и правая нога Шэнь Цзуна были обмотаны бинтами. Синяк на губе почти сошел, но еще был виден. Волосы его были очень коротко подстрижены, почти прилегали к коже головы. Идя, Тун Цинхэ заметил, что, включая Цзян Шаочжи, у всех были очень коротко подстрижены волосы, что придавало им вид холодных и сильных людей, к которым обычный человек не приблизится.

Шэнь Цзун, увидев его, удивленно поднял бровь и без церемоний спросил:

— Как здоровье Цзи Ваня?

Тун Цинхэ не успел решить, стоит ли отвечать на этот вопрос. Шэнь Цзун выглядел очень жалким, но Тун Цинхэ вспомнил, как Цзи Вань в одиночестве переживал гон во время беременности, и ему стало жаль Цзи Ваня.

Он подумал, что лучше не скрывать, и, сказав что-то сопровождающему его Альфе, попросил его отойти, а потом сказал Шэнь Цзуну:

— У Цзи Ваня недавно был гон.

Шэнь Цзун замер:

— Как он сейчас?

Тун Цинхэ не умел говорить намеками. Он спокойно и честно рассказал о боли и мучениях Цзи Ваня. Лицо Шэнь Цзуна сменило цвет с пепельно-серого на белый. Он молча посмотрел на него и сказал:

— Цзи Вань очень сильный. Он сам пережил самый сложный период.

Шэнь Цзун издал глухой, короткий, жалкий смешок:

— Никто в семье не сообщил мне, что что-то случилось.

Для Альфы, которого не доверяет его Омега, это самое большое отрицание. Шэнь Цзун не хотел говорить много с Тун Цинхэ. Между ним и Цзи Ванем было слишком много недоразумений и принуждения, и сам его характер был несовершенен.

Шэнь Цзун задал Тун Цинхэ вопрос, который долгое время мучил его, но который он не задавал Цзи Ваню:

— Я знаю, что Цзи Вань тебе доверяет. Он не говорил тебе, кто отец его ребенка?

Шэнь Цзун не спрашивал Цзи Ваня об этом, но его это очень волновало. Даже если он решил воспитывать этого ребенка, который не имел к нему никакого отношения, до тех пор, пока ребенок был Цзи Ваня, он не позволил бы никому другому забрать его.

Тун Цинхэ поджал губы и покачал головой.

Шэнь Цзун сказал:

— Похоже, ты знаешь, но он попросил тебя не говорить.

Тун Цинхэ не мог сказать Шэнь Цзуну, что ребенок его. Цзи Вань не простил Шэнь Цзуна. Увидев, как Цзи Вань предпочитает страдать в одиночку, но не обращаться за помощью, Тун Цинхэ был восхищен этой твердой волей и решил хранить тайну Цзи Ваня.

Шэнь Цзун кивнул ему и ушел.

Солдат, стоявший неподалеку, вернулся к Тун Цинхэ и по-дружески сказал:

— Он младший внук Старого генерала Шэня. У него довольно большие способности, но в этой миссии его духовное животное сильно пострадало, поэтому он получил такие серьезные травмы.

Тун Цинхэ удивился. Тот улыбнулся:

— Я могу сказать только это, иначе Генерал Цзян меня прикончит.

Тун Цинхэ понял.

На улице было холодно, и Цзян Шаочжи дал указание не оставлять Тун Цинхэ надолго. Когда Альфа напомнил об этом, Тун Цинхэ не стал его задерживать и сам предложил вернуться в комнату отдыха.

На самом деле, оказавшись в лагере, у него было мало времени, чтобы быть рядом с Цзян Шаочжи. Вместо того, чтобы отвлекать его, лучше было тихо ждать его в комнате.

Ближе к вечеру Тун Цинхэ дремал в кресле. Он почувствовал, как кто-то прикоснулся к его лбу. Открыв глаза, он увидел, что Цзян Шаочжи наклонился, чтобы поднять его на кровать. Он протянул руку, обнял его за широкие плечи и тихо спросил:

— Ты вернулся?

— Угу, — Цзян Шаочжи поднял его лицо, чтобы внимательно рассмотреть. — Почему не отдыхаешь?

Тун Цинхэ покачал головой:

— Мы так редко видимся, я не хочу терять время.

Цзян Шаочжи придется выполнять такие миссии и в будущем. До его полного ухода с должности, люди в их положении не могли просто так уйти, как не может хищный тигр бросить мясо, которое держит в пасти.

Тун Цинхэ сказал:

— Завтра я должен вернуться, у меня работа.

Он был немного опечален, его рука скользнула вверх по плечу Цзян Шаочжи:

— Я уеду после свадьбы.

Цзян Шаочжи мягко улыбнулся:

— Я прикажу, чтобы тебя отвезли. Я скоро вернусь домой. Тогда возьму отпуск, и мы сможем поехать, куда захочешь, на каникулы.

С тех пор как Цзян Шаочжи поступил на службу, у него не было ни одного выходного. У него накопилось много дней отпуска. Было бы неплохо потратить их на медовый месяц с Тун Цинхэ.

— Когда вернемся, мы также отпразднуем нашу свадьбу, — Цзян Шаочжи планировал все устроить во время отпуска. Нельзя слишком долго откладывать то, что должен. У него было гораздо больше, что он хотел дать Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ согласился.

Цзян Шаочжи пошел принять душ и переодеться. Сегодня женился один из Альф их отряда на докторе, которая сопровождала их несколько лет. Это была свадьба Альфы и Беты.

Цзян Шаочжи спокойно сказал:

— Мы постоянно в отъезде, у нас нет нормальных условий. Место простое, это скорее формальность. Но все ребята из отряда здесь, и все принесли свои поздравления.

Место, которое Цзян Шаочжи назвал простым, действительно было таковым. Церемония проходила в армейской палатке, украшенной розовыми шарами. Было несколько столов, за которыми все могли сесть и выпить.

Но, увидев, что все одеты в аккуратную, одинаковую камуфляжную форму, Тун Цинхэ посчитал, что эта свадьба очень красивая. Все были невероятно воодушевлены, что придавало церемонии торжественный вид.

Тун Цинхэ взволнованно сказал Цзян Шаочжи, что свадьба очень красивая. У него тоже появились свои мысли.

Невеста была очень красивой Бетой, за которой в отряде ухаживали многие. Теперь, когда она вышла замуж, все шутили, что они недовольны. В результате большая группа Альф сняла верхнюю одежду и вышла на улицу, чтобы подраться на морозе.

Свадьба превратилась в нечто вроде учений. В конце концов, они забыли, что участвуют в свадьбе, и просто начали драться. Тун Цинхэ опешил, но в то же время почувствовал странное возбуждение и азарт от этого поединка.

В душе каждого человека есть соревновательный дух и желание доминировать. Эмоции Тун Цинхэ были затронуты.

Цзян Шаочжи посмотрел на него:

— Нравится?

Тун Цинхэ не знал, что ответить: кивнуть или покачать головой.

Тогда Цзян Шаочжи молча расстегнул свою одежду, медленно, не отрывая взгляда от его глаз:

— Если я выиграю, ты можешь попросить меня сделать что-то одно.

Тун Цинхэ спросил, продолжая его мысль:

— А если... проиграешь?

Цзян Шаочжи улыбнулся:

— Это тоже несложно. Если проиграю, я могу пообещать тебе что-то одно.

Тун Цинхэ:

— ...

Цзян Шаочжи сказал:

— Не забудь рассказать мне о том, о чем ты сейчас подумал, и попроси меня об этом.

Цзян Шаочжи знал обо всем.

Тун Цинхэ ошеломленно смотрел, как Цзян Шаочжи раздевается по пояс. Он был похож на свирепого и сильного зверя, вышедшего на арену, чтобы одержать победу для своего хозяина.

<http://bllate.org/book/4/129>